

Содержание

Предисловие	9
Введение	13
1. Свержение властителей дум	27
2. Страх	58
3. Вербовка	85
4. Тоталитарная идеологическая обработка	123
5. Семья и друзья	168
6. Воля фюрера — закон для партии	205
7. Тайны и ложь	238
8. Наружу	297
9. Зомби, но не из Маньчжурии	333
10. Флейтист	362
Приложение А	
<i>Опросник групповой привязанности</i>	<i>395</i>
Приложение Б	
<i>Равные отношения против авторитарных и абьюзивных</i>	<i>402</i>
Благодарности	404
Примечания	406

Предисловие

Непростой 2020 год подходит к концу. На горизонте сгущаются темные тучи. Национализм, популизм и дезинформация стали основными движущими силами современной политики. Власти множества государств по всему миру вступают в сговор друг с другом, намереваясь разрушить демократические институты в интересах диктатур, тоталитарных и ультраправых режимов. Тем временем в Соединенных Штатах сам президент Дональд Трамп подпитывает повсеместное недоверие граждан к избирательной системе, органам власти, науке и общеизвестным фактам. Дезинформация быстро стала неотъемлемой частью политической жизни — причем в таких масштабах, о которых раньше и подумать не могли, — благодаря невероятно стремительному развитию социальных сетей и их доступности для людей всех возрастов и слоев общества. Именно в этих условиях праворадикальный экстремизм и сопутствующее ему насилие получают возрождение в мире, погрязшем в межрасовых конфликтах и социальном неравенстве, которые выливаются в массовые беспорядки. Уже не в первый раз в новейшей истории праведный гнев рядовых граждан порождает ощущение, что фундаментальные гражданские и общественные перемены, которых так долго ждали угнетенные группы, вот-вот станут им доступны, — однако вместе с этим мы рискуем загубить весь прогресс. Конечно, Соединенные Штаты нельзя назвать фашистским государством, однако нет никаких сомнений

в том, что в современной американской политике начали отчетливо проявляться черты авторитаризма.

В одной из глав этой книги Александра Стайн, социальный психолог, так описывает авторитаризм и харизму руководителей тоталитарных групп:

...Последователи любят, идеализируют и боготворят своего предводителя, тем самым наделяя его харизмой... В то же время вследствие авторитарной природы его власти его последователи ощущают страх, угнетение, чувство угрозы. Существует огромное множество способов создать ощущение опасности: можно угрожать разрывом отношений, внушать боязнь внешнего мира путем нагнетания апокалиптических страхов или создать условия, в которых человек будет физически чувствовать опасность, постоянно доводя его до предельной усталости или же, к примеру, напрямую угрожая ему насилием.

Естественно, Стайн здесь говорит не о политике правительства США, но своевременность и злободневность ее анализа в свете текущих событий, по-моему, вполне очевидны.

И, кажется, в других странах обстановка не лучше — а в некоторых местах она гораздо хуже. В конце 2019 года мир узнал о настоящих масштабах преследования властями Китая исламского меньшинства — представителей народа уйгуров. В *The New York Times* вышла статья¹, где было обнародовано содержание более 400 страниц секретных документов правительства КНР. Репрессии режима в отношении уйгуров и других этнических меньшинств не должны остаться незамеченными. За последние годы в Китае было построено множество тюрем, где может содержаться около миллиона человек. По словам журналистов, власти КНР разработали «пугающе формальные инструкции», указывающие, как надо отвечать на вопросы, уклоняться от критики, вводить в заблуждение.

Кроме того, в инструкциях говорится о том, как заставить молчать людей, интересующихся судьбой своих родных и близких, заключенных под стражу, — например, неявным образом угрожая продлением тюремного срока узников.

Назвать книгу «Страх, любовь и пропаганда» доктора Александры Стайн злободневной — значит ничего не сказать. И, разумеется, сама автор не рядовой социальный психолог. Она провела целых десять лет в состоянии, как она сама выражается, «анабиоза», попав в тоталитарную секту, которая контролировала всю ее жизнь и всю ее личность. В своей книге «Наружу» (Inside Out), вышедшей в 2002 году, она ярко и убедительно описывает чувство «губительной пустоты» — результат настолько мощного и тотального психологического манипулирования, что оно грозило разрушить саму ее душу. Но душа уцелела. Александре удалось сбежать.

Однако ей оказалось мало собственного спасения, и поэтому следующие 30 лет своей жизни она посвятила науке и стала одним из ведущих мировых специалистов по психологии сект. Не всем, кто увяз в этом болоте, так везет (в настоящей книге Александра еще раз это признает). Но ей повезло выжить, а нам повезло, что она стала нашим учителем.

В новом издании этой одновременно великолепной и пугающей книги Стайн проливает свет на темное царство социальных групп, единственная цель которых — всеобъемлющий контроль над теми, кто попадет в их цепкие лапы. Автор приотворяет для нас двери в такие закрытые секты, позволяя увидеть, что происходит внутри, и осознать, насколько все это опасно. В своем повествовании она опирается на беседы с людьми, которые, как она, смогли сбежать: их опыт настолько же страшен, насколько полезен. Невероятно интересные личные переживания собеседников Александры органично вплетены в канву теоретического материала, что позволяет подчеркнуть социологический, психологический и организационный аспекты этих загадочных

групп, скрывающихся у всех на виду. Их план настолько же оригинален, насколько прост: они хотят *врезаться* — как можно глубже — в психику своих последователей и добиться тотального контроля над их жизнью. У метода, благодаря которому им это удастся, много названий: «насильственное убеждение», «преобразование мышления», старый добрый «контроль разума». Но лучше всего он известен как *промывание мозгов*. По словам Александры Стайн, под этим понимается «систематический, хорошо отлаженный и обманчивый процесс втирания в доверие к человеку с целью его вербовки».

Несмотря на все странные и страшные вещи, описанные в этой книге, автор в конце концов вселяет в нас надежду на лучшее, и кажется, что ее личный опыт — очевидное доказательство того, что даже из самой сложной ситуации есть выход. Людям под силу вырваться из-под влияния подобных тоталитарных групп, а их истории все чаще получают огласку. В этой книге вы прочтете несколько таких историй. Александра Стайн помогает людям, сумевшим покинуть тоталитарные организации, рассказать о своем опыте не только и не столько для того, чтобы описать психологические приемы, с помощью которых адепты подобных культов захватывают власть над человеком, сколько для того, чтобы уберечь других от их пагубного влияния. Вот что она сама говорит по этому поводу: «Люди, победившие в этой схватке, чувствуют не только ответственность за тех, кто остался в секте, но и необходимость предупредить других об опасности тоталитарных организаций».

Учитывая чрезвычайные трудности — социальные, культурные и политические, — с которыми столкнулось современное общество, я считаю, что нам стоит прислушаться к тому, о чем говорит Александра Стайн.

Джон Хорган,
заслуженный профессор факультета психологии
Университета штата Джорджия

Введение

Мои коллеги — публика необычная. Это преподаватели, художники, менеджеры, писатели, активисты, психологи, студенты, медицинские работники, врачи, директора благотворительных организаций и социальные работники. Среди них есть даже спортсмен, поставивший мировой рекорд по самому быстрому кругосветному путешествию на велосипеде. Однако всех нас объединяет общий опыт. Нет, у нас разные профессии и увлечения, наши истории тоже непохожи. Мои коллеги были свидетелями Иеговы*, участниками исламистских террористических организаций, неонацистами-скинхедами, почитателями всяческих гуру, радикальными христианами-фундаменталистами. Среди них есть еврей, долгие годы состоявший в секте Ларуша, где, говорят, не гнушались и антисемитизма, бывший мунист, а также те, кто вырос в семье фанатичных троцкистов, в христианской секс-секте и в ультраортодоксальном еврейском сообществе. Что же касается меня, я десять лет прожила в состоянии анабиоза, угодив в так называемый политический культ левого толка. После побега из тоталитарной группы (а у меня и вправду было ощущение, что я совершила побег) я посвятила следующие 30 лет изучению культов и сект: я пишу о них, читаю лекции. Благодаря всему этому мне и посчастливилось встретиться и поработать с такой замечательной компанией.

* Организация, деятельность которой запрещена на территории РФ. —
Прим. ред.

Однако общность нашего опыта заключается в том, что все мы годами страдали в рамках определенной разновидности социальной структуры — той, которую я, как и многие другие, называю сектой. Эта же социальная структура считается основой тоталитарных движений и государств.

Конечно, группы, в которые мы входили, не имели общей идеологии. У них были разные цели, разная численность. Но когда мы с коллегами собираемся вместе и обсуждаем прошлое, то чувствуем, что пережили до жути схожий опыт. Каждый из нас жил в постоянном страхе и бессилии в замкнутой среде, где власть предводителя была абсолютной, а сама секта непрерывно контролировала даже самые обыденные элементы повседневной жизни. Порвать с этими системами — это стало для нас одним из самых сложных и самых смелых решений в жизни.

После освобождения мы решили, что будем в меру своих возможностей как-то помогать другим: пытаться вытащить людей из секты и заниматься их психологической реабилитацией, вести просветительскую работу, рассказывая обществу об опасности подобных организаций и предотвращая дальнейшую вербовку. Мы занимаемся этим, поскольку прекрасно знаем, что подобные группы — секты и тоталитарные системы — настолько глубоко заходят в мозг своих последователей, что эти несчастные полностью утрачивают контроль над своей жизнью. А в худших случаях — например, если речь идет о террористических организациях — секты способны погубить не только своих последователей, но и совершенно посторонних людей: теракты и войны приводят к тысячам и тысячам смертей. Но есть и другие тоталитарные группы, в которых террор направлен исключительно внутрь (и не слишком заметен извне): посредством страха руководители пытаются упрочить контроль над жизнями своих жертв.

Нас с коллегами объединяет то, что мы стали жертвами психологической обработки и промывания мозгов, основан-

ного на страхе: в процессе мы становились — по крайней мере на какое-то время — заложниками предводителя-психопата, привязывавшего нас к себе с помощью психологической травмы. И мы, к сожалению, прекрасно понимаем, как самый обычный человек способен в один сомнительно прекрасный день надеть пояс смертника и активировать его, забрав с собой на тот свет множество незнакомых ему людей.

Участники подобных групп — это не какие-то умалишенные, особенные или покорные люди. Нет, мы все занимаемся самым обычным, общественно полезным трудом, а в частной жизни ничем не отличаемся от вас (хотя, к сожалению, для многих бывших членов сект такой исход отнюдь не гарантирован). Я говорю об этом, потому что хочу подчеркнуть: те, кто оказался в сектах или экстремистских группировках, а также те, кто вынужден жить в странах с тоталитарным режимом, — это обычные люди, которые не выбирали такую жизнь. Наоборот, это жизнь — вернее, группа, к которой они принадлежат, — выбрала их.

Читая эту книгу, вы, возможно, вспомните ситуации, очень похожие на те, что я описываю. Не исключено, что вы имели дело с определенными политическими или религиозными группами, встречались с чем-то подобным в лечебно-оздоровительных центрах, в группах по медитации, на работе или на курсах по личностному росту. Замалчивание и стигматизация этой проблемы — именно поэтому вы не смогли распознать тоталитарные организации и культы, хотя, скорее всего, сталкивались с ними. По опыту могу сказать, что почти все люди так или иначе имели дело с подобными группами, а кто не имел, у тех есть знакомые с соответствующим опытом. При правильном подборе психологических приемов в сочетании с неудачными обстоятельствами любого из нас можно вовлечь в секту, однако жертв тоталитарных организаций общество все равно демонизирует. Из-за этого мы не осознаем собственную потенциальную уязвимость.

Культы и тоталитаризм — постоянная и вездесущая угроза: от политического и религиозного терроризма на международной арене до «личного» терроризма с целью полного контроля над отношениями. Я писала эту книгу в надежде, что мне удастся внести свой вклад в разработку подхода к профилактике этих социальных болезней с точки зрения общественного здравоохранения. Я считаю, что лучший способ защиты общества — распространение знаний: о том, как человека могут завербовать и заставить подчиняться, и о работе механизмов насильственного контроля. Знаний о ситуациях, в которых применяются эти механизмы, и о тревожных признаках, говорящих о том, что человека пытаются вовлечь в секту. На мой взгляд, лучше узнать об этом в школе или от общественных деятелей, чем испытать все это на собственном горьком опыте, который и привел меня к написанию этой книги.

Многие из нас не обращают внимания на незначительные признаки начала психологической обработки — на *нулевой контакт*, как я это называю. Это первый шаг психопата к власти над другим человеком. Первые попытки контроля, первый успех — и первое понимание, что контроль работает. Второй же акт мы видим немного чаще и именно на его основе начинаем делать определенные выводы. Потерянные души с неизменной улыбкой на лице вручают нам цветы в аэропорту или стучатся к нам в двери, спрашивая, не хотим ли мы побольше узнать об их церкви. Друг с восхищением рассказывает нам, что нашел верный путь к личностному росту и успеху на каком-то семинаре. На многолюдной улице незнакомец предлагает нам пройти тест на определение типа личности, а в десятке шагов от него стоит провозвестник политического или религиозного апокалипсиса и сует людям свои листовки. Толпы, даже целые нации в один голос что-то скандируют, размахивая цитатником Мао, Библией или Кораном.

И только третий акт попадает в заголовки всех газет с поражающей регулярностью. Именно тогда мы видим

взрывную (иногда — буквально) кульминацию и итог. Гибель прохожих, врагов, последователей, детей. Мы видим геноцид в исполнении тоталитарных режимов — от Гитлера до Пол Пота. Или менее масштабные трагедии наподобие газовой атаки в токийском метро, устроенной членами секты «Аум синрикё» в 1995 году. К этому же разряду относится история молодого англичанина, который примкнул к ИГИЛ* в Сирии и занимался обезглавливанием заложников на камеру. Но печальнее всего наблюдать за юными судьбами: от детей-солдат до тех, чья жизнь приносится в жертву по прихоти руководителей сект.

Наряду с гибелью детей сложнее всего примириться с суицидом членов культовых организаций. Известны случаи и массового самоубийства — всегда по приказу лидера. К таким событиям относятся трагедия в Джонстауне (1979), самоубийство членов секты «Небесные врата» (1997) и суицид последователей Ордена храма солнца (1994). Кроме того, XXI век стал веком террористов-смертников: почти ежедневно происходят теракты, в результате которых гибнут как сами представители террористических организаций, так и невинные люди. Кроме того, не стоит забывать и о самоубийствах выживших. Даже люди, пережившие холокост, могут покончить жизнь самоубийством из-за непрекращающихся страданий от психологической травмы, а в последнее время регистрируется все больше суицидов среди детей, выросших в сектах, где практикуют физическое или сексуальное насилие (например, секта «Дети Бога»).

Также существуют «самоубийства личности», которые происходят в пределах группы или в межличностных отношениях (о них тоже будет сказано в этой книге): отказ от своего внутреннего «я», от своей семьи, друзей, убеждений и мораль-

* Организация, деятельность которой запрещена на территории РФ. — *Прим. ред.*

ных принципов. Существенный компонент внутреннего принуждения — попытка предводителя-психопата захватить контроль над этим самым внутренним «я» последователя, то есть управлять не только тем, что он делает, но и тем, что он чувствует и думает. Именно поэтому массовые самоубийства и действия смертников, вероятно, и правда можно классифицировать как суициды, а не убийства, организованные предводителями сект: ведь последователи в каком-то смысле сами решают покончить с жизнью*. Но, с другой стороны, как можно говорить о «самостоятельности», когда человека лишают его внутреннего «я», а сама его основа — и когнитивная, и эмоциональная — разрушена и больше не представляет собой связного целого?

Как раз этот вопрос и стал фундаментом моей книги. Что представляет собой этот процесс, когда лидеры тоталитарных групп добиваются всеобъемлющего контроля над последователями своего культа и заставляют их повиноваться всем приказам — вплоть до лишения себя жизни или даже принесения в жертву собственных детей? Это подрывает все наши представления о человеческой природе. Более того, это подрывает устоявшуюся идею о том, что в нас накрепко вбито стремление защищать себя и своих близких. Однако методы эволюционной психологии помогут нам разобраться, почему такое возможно. Если вкратце, все дело в том, что за тысячелетия эволюции у нас выработались такие модели поведения и чувства, которые при определенных условиях могут начать работать против нас. Даже поведение, обеспечивающее нашу защиту внутри среды обитания, к которой мы приспособлены, вне этой среды может стать нашей огромной слабостью.

Я попытаюсь объяснить, почему и как это происходит. Процесс вполне поддается объяснению, проблема лишь

* Впрочем, в Джонстауне жертвам не давала спастись вооруженная охрана. Этот случай будет правильнее расценивать как массовое убийство. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

в том, что зачастую общество ставит вопрос неправильно: что не так с *этими людьми*, если они решили присоединиться к секте? Но мы с вами прекрасно знаем, что на самом деле большинство членов сект — обычные люди, которые просто стали жертвами обстоятельств. Будучи социальным психологом, я знаю, что следует задавать иные вопросы: в каких *ситуациях* оказались эти люди, когда с ними случилась беда? Какие *процессы*, спровоцированные этими ситуациями, привели к настолько трагическим и непостижимым результатам? Каковы признаки опасной *среды*, к которой мы плохо приспособлены? Почему большинство людей уязвимы перед этим влиянием, если попадают в такую среду в неблагоприятных для себя обстоятельствах?

Все не так плохо, как кажется. Существует множество доказательств того, что ясное представление о механизме этих процессов дает эффективную защиту. Поэтому основная цель книги — пополнить собрание литературы по этой теме, чтобы просветить общество, повысить устойчивость людей к подобным опасным взаимоотношениям и выдвинуть научно обоснованные предложения по усилению социального иммунитета к тоталитаризму.

Истории людей, приведенные в книге, взяты из бесед, воспоминаний, статей в газетах и исторических книг. Это подлинные жизнеописания — многие из этих людей оказались в сектах не по своей воле. И, конечно, никто из них, вступая в тоталитарную группу, не представлял себе истинных намерений ее лидеров или возможных последствий ее деятельности. Представляю вам несколько человек из тех, с чьими историями вы встретитесь в этой книге.

В 2002 году я побеседовала с Мариной Ортис в ее родном Нью-Йорке*. Мы сидели в уютном пуэрто-риканском ресторан-

* Все имена и описания людей — вымышленные. Неизменными остались лишь имена тех, кто сам пожелал их не скрывать, и имена, которые использовались в цитируемых материалах.

чике; игравшая внутри сальса создавала особенно приятную атмосферу. Это был район моей собеседницы, а ресторан выбрала она сама. Музыка, что лилась из радиоприемника, была особенно близка ее народу — пуэрториканцам, осевшим в Нью-Йорке (в то время она как раз вела сайт о жизни диаспоры). Я включила диктофон и приготовила блокнот. Марина начала свой рассказ. Около двух часов я слушала ее историю — о том, как восемнадцатью годами ранее она увидела в газете объявление о «психотерапии вне зависимости от расы и пола». Тогда она была матерью-одиночкой, беременной вторым ребенком, и страдала депрессией — а в те времена женщине, да еще и латиноамериканке, не приходилось рассчитывать на помощь и сочувствие. Каким же было продолжение? Два года этой «психотерапии» превратили ее в полноценную участницу подпольной политической организации, возглавляемой Фредом Ньюменом. В начале 1970-х годов Фред, обаятельный белый мужчина, начал заниматься «марксистской психотерапией» (правда, у него не было ни соответствующего образования, ни нужных навыков). В 1990 году, после пяти лет упорной работы, нацеленной, как она была уверена, на борьбу за равноправие и социальную справедливость, члены группы начали давить на Марину, заставляя ее отдать дочь в приемную семью, чтобы ребенок не отвлекал ее от обязательств перед организацией. Как раз в это время женщине наконец удалось вырваться из секты.

Какой она проделала путь? Как попала туда? Как ей удалось сбежать? История Марины и ее товарищей легла в основу моей книги. Хотя эта история не так драматична и кровава, как многие подобные рассказы, этот пример прекрасно демонстрирует и методы, характерные для социально-психологического контроля, и динамику таких групп. Кроме того, это прекрасная возможность для углубленного тематического изучения.

Масуд Банисадр написал невероятные воспоминания о времени, проведенном в рядах Организации моджахедов иранского народа (ОМИН), в которую его завербовали, когда он был студентом Ньюкаслского университета¹. Чтобы поговорить с ним, я отправилась в Мидлсбро — промышленный город на севере Англии. Масуд показал себя хорошим хозяином: он даже приготовил для меня изысканное блюдо персидской кухни — тушеную говядину, обильно посыпанную травами и подаваемую с тахдигом (рисом с корочкой), приправленным шафраном. По словам Масуда, лидеры иранских моджахедов не запрещали наслаждаться пищей, а вот от радостей любви призывали отказаться. Он, как и все его товарищи, был вынужден уйти от жены, согласившись на «идеологический развод». Однако в это же самое время лидер организации Раджави выбрал себе новую жену, которая, к его счастью, была свободна... как раз потому, что ее бывший муж, один из командиров моджахедов, был вынужден пойти на «идеологический развод».

Об Энн Синглтон я впервые услышала в 2008 году, когда узнала, что она опубликовала часть моей собственной истории у себя на сайте с говорящим названием cultsandterror.org — «Культы и террор». Оказалось, что она тоже была членом ОМИН. Ее завербовали через кружок студентов Манчестерского университета, на встречи которого она ходила со своим парнем-иранцем. Вскоре привычная жизнь в Йоркшире сменилась на тренировки в иракских пустынях — с автоматом Калашникова и в полном боевом облачении. Командиры постоянно показывали ей видеоролики с женщинами-смертницами. Но, оказавшись у края пропасти, Энн сумела сделать шаг назад. Сейчас она живет в родном Йоркшире, воспитывает сына и просвещает людей, рассказывая им о сектах, терроризме и промывании мозгов. Как она оказалась среди террористов и как ей удалось от них сбежать?

Затем вы узнаете о моей истории, которую я уже описывала в своей книге «Наружу» (Inside Out: A Memoir of Entering and Breaking Out of a Minneapolis Political Cult)². Я непреднамеренно оказалась частью плана по сокрытию убийства, совершенного лидером небольшой и опасной группы, членом которой я была на протяжении долгих и мрачных десяти лет в 1980-х.

Поделившись друг с другом пережитым опытом, мы с Масудом сразу поняли, что наши организации пользовались схожими методами контроля людей, хотя он был частью террористической ячейки, а я состояла в политической группе.

Также мы поговорим о религиозных сектах. Питер Фруман — молодой человек, чьи родители были членами секты «Дети Бога» (сейчас она называется «Семья»). В детстве его разлучили с отцом и матерью, а затем подвергли физическому и сексуальному насилию. Таких детей, как он, были сотни. Будучи подростком, Питер смог сбежать из секты, но его родных удерживали еще много лет³. Теперь Питер стал активистом: он добровольно занимается помощью людям, выросшим в схожих условиях, и рассказывает общественности о существовании этих тайных, оторванных от обычной жизни миров. Он работает совместно с тремя женщинами, написавшими эмоционально насыщенную книгу «Без сестры — никогда» (Not Without My Sister)⁴, в которой они рассказывают о труднейшем опыте, пережитом в секте.

Об этих историях и о судьбах многих других людей вы узнаете, прочитав эту книгу.

Я взялась за перо, потому что уверена: людям нужен доступный и понятный источник информации, обобщающий результаты различных исследований, опыт очевидцев и последние теоретические открытия, — словом, все, что позволило бы как следует разобраться в феномене психологического манипулирования. Это знание, в свою очередь,

позволит защитить себя, детей, наших близких. С помощью этой книги я хочу вплести свой голос в стремительно растущий хор, который старается привлечь к себе внимание и перекричать глупые и бессмысленные вопли — «мнение», превалирующее в академической среде. Многие ученые считают, что насильственного убеждения и промывания мозгов не существует. По их мнению, нет никаких культов — только девиантные «новые религии», адептов которых нужно просто оставить в покое: пусть проводят свои ритуалы. Для них неважно, что большинство из нас состояли отнюдь не в религиозных сектах. Эти ученые говорят, что люди наподобие меня и тех, о ком я писала выше, — всего лишь разочаровавшиеся последователи (некоторые даже, отказавшись от своего любимого мудреного социологического жаргона, попросту называют нас «обиженными отступниками» и «рассказчиками страшилок»)⁵. Критики считают, что мы просто пытаемся переложить ответственность за наши ошибки на организации, в которых мы состояли. Даже заявляют, что мы действовали по собственной воле, а теперь просто хотим замести все следы.

Но мы — я, Марина и Масуд, как и многие, многие другие, — напротив, пытаемся *взять* на себя ответственность, усвоить уроки нашего горького опыта, чтобы не дать другим убить свое внутреннее «я», как это когда-то сделали мы. Так мы пытаемся предотвратить не просто самоубийства, но еще и теракты с участием смертников, жертвами которых становятся не только последователи культов, но и невинные люди.

Пожалуй, еще важнее то, что ученые, отрицающие эти вполне реальные проявления манипулирования человеком, не могут помочь нам предотвратить гибель вполне реальных людей, которая становится следствием развития культов. «Исследования» этих ученых никак не способствуют ни пониманию такой актуальной проблемы, как вербовка

детей из более или менее обычных семей в террористические организации, ни предотвращению последствий этой проблемы. В 2016 году в Миннесоте пропали двадцать подростков сомалийского происхождения. Через несколько месяцев они вновь объявились дома — только теперь в роли новобранцев-джихадистов. Один из них стал первым в истории американцем-смертником, а по меньшей мере пятеро других погибли в боях в Сомали⁶. Схожая история произошла в лондонском Ист-Энде — четыре старшеклассницы, жившие там, наряду с сотнями девушек из других западных стран стали женами джихадистов из Сирии⁷. Их история тоже связана с вербовкой, идеологической обработкой и промыванием мозгов, после чего девочки решили пожертвовать своим будущим — возможно, многообещающим. В этой книге я хочу раскрыть механизмы влияния и обнажить структуру подобных организаций, чтобы доказать, что, к сожалению, большинство из нас тоже может оказаться на месте этих подростков.

Промывание мозгов (предлагаю называть этот процесс именно так)* — свойство самых разнообразных социальных взаимодействий. К нему прибегают в сектах наподобие той, в которой вырос Питер, в террористических группировках, где основным организационным принципом становится насилие в политических целях, а также в тоталитарных движениях и в тоталитарных государствах, где, по мнению Ханны Арендт⁸, страх порождает государственную власть. Однако промывание мозгов используется и в небольших культах, даже в таких, которые сводятся к взаимоотношению одного лидера и лишь одного-двух последователей⁹. Схожие механизмы и системы контроля также можно обнаружить и в некоторых примерах абьюзивных отношений, когда

* В следующей главе мы подробнее поговорим о терминологических сложностях в этой сфере.

человек применяет бытовое насилие против своих близких (вспомните дело Йозефа Фритцля*).

Именно широкая распространенность промывания мозгов и социального контроля в форме манипулирования личностью делает эти две проблемы настолько важными для общества. Терроризм остается глобальной угрозой. Влияние сект, при всей их секретности, также не ослабевает — на деле мы сталкиваемся с ними гораздо чаще, чем замечаем. Домашнее насилие, вызывающее редкие вспышки общественного резонанса (как в случае с Фритцлем), все же чаще замалчивается, и, к сожалению, оно довольно распространено: только в Великобритании ежегодно около ста женщин погибает от рук своих мужчин¹⁰, а в США в 2000 году 1247 женщин были убиты своими партнерами¹¹. Как правило, это происходит в крайне абьюзивных отношениях. Ряды ультраправых ширятся во всем мире — а вместе с этим и политические секты ультраправого толка, которые вовлекают людей в закрытые от общества подпольные группы.

Кроме того, в этом печальном наборе манипуляций людьми мы видим тоталитарные движения наподобие Господней армии сопротивления, которая терроризирует целые группы населения в Уганде и Судане. Сюда же относится и массовое заточение в китайские лагеря мусульман-уйгуров, которые также подвергаются промыванию мозгов, о чем мир узнал только недавно¹². А некоторые тоталитарные государства наподобие Северной Кореи благополучно продолжают свое существование, даже если другие (например, режим Пол Пота в Камбодже) гибнут.

Может показаться, что у меня слишком смелые планы, но я не ставлю себе целью рассказать обо всем зле этого

* Инженер-электрик из австрийского города Амштеттена был арестован в 2008 году по обвинению в принудительном содержании взаперти своей младшей дочери: он почти 25 лет держал ее в подвале, насиловал и издевался над ней. — *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru